

Источник: Вехи Таганрога
Дата выпуска: 2010
Номер выпуска: 41-42
Заглавие: В полушаге от трагедии
Автор: В. Мартов

Эта статья может вызвать у определенной категории читателей широкую гамму эмоций – от легкого порицания до публичного освистывания, сопровождающегося приступами гнева. Литературоведы вообще могут впасть в прострацию от того, что в их сферу профессиональной деятельности вторгся человек из «другого лагеря», не имеющий филологического (на худой конец, педагогического) образования.

И, тем не менее, статья написана, причем представителем той части общества, для которой, собственного говоря, пишутся книги, ставятся спектакли, снимаются фильмы. Одним словом, читателем и зрителем, имеющим право на собственное понимание прочитанного или увиденного и публичное выражение своих мыслей в печати. Итак, смотрим Чехова.

Одна из последних работ Таганрогского драматического театра имени А.П. Чехова «Прости меня, мой ангел белоснежный...» – это первый драматургический опыт девятнадцатилетнего Чехова-гимназиста. Единственной пьесе, написанной в Таганроге, суждено было остаться без названия. Точнее говоря, названий оказалось более чем достаточно. При жизни А.П. Чехова она в выходящие сборники не попала и театрами не ставилась. Ее обнаружили в авторском архиве спустя 20 лет после смерти писателя, но... без титульного листа. Поэтому в последующие годы по театрам страны пошли гулять вольные названия – «Безотцовщина», «Пьеса без названия» (под таким наименованием пьеса вошла в полное собрание сочинений А.П. Чехова), «Платонов», «Этот безумец Платонов» и другие. Но чаще всего «Платонов» – по фамилии главного героя пьесы.

Исследователи творчества А.П. Чехова усмотрели в этой пьесе истоки «Вишневого сада», «Чайки», «Иванова». Еще можно добавить «Лешего» и «Дядю Ваню». Без сомнения, почти во всех чеховских пьесах просматриваются параллели, начиная от схожести имен и фамилий и кончая единым трагическим исходом. Жорж Войницкий и Николай Иванов стреляются (в первоисточнике Иванов умирает от разрыва сердца), Михаила Платонова убивает одна из любимых женщин, барон Тузенбах не возвращается с дуэли, дядя Ваня пытается убить надоевшего до смерти Серебрякова. Герои либо сами сводят счеты с жизнью, либо их пристреливают. Вот как в случае с Михаилом Васильевичем Платоновым. Что ни пьеса, то смерть.

Упомянув «Иванова», в скобках мы заметили, что Николай Иванов у Чехова на самом деле умирает от разрыва сердца в своем доме. Хотя традиционно эту сцену в театрах играют как самоубийство героя. Пистолет выстреливает – главный герой падает замертво на глазах любимой девушки. Разумеется, по театральному эффектно и впечатляюще. Отчего такая метаморфоза?

Объяснение очень даже простое. Сыграть «разрыв сердца» на высоком эмоциональном уровне очень сложно, не каждому артисту это под силу. А изобразить выстрел в собственное сердце намного проще, при этом суицид производит более сильное воздействие на зрителя, вызывая чувства сострадания и сочувствия. Такая подмена понятна, и Чехов бы на такую «поправку», думаю, нисколько бы не обиделся. Не в этом суть трагедии.

Так что же, выходит, Антон Павлович писал детективы? А почему бы и нет. Только это особенные «детективы» и, пожалуй, единственные в своем роде. Давайте разовьем эту мысль и посмотрим на пьесы А.П. Чехова нетрадиционным взглядом, взяв за основу «Белоснежного ангела».

Известно, что детективный жанр как таковой во времена А.П. Чехова в драматургию еще не проник, то есть практически отсутствовал. Если, конечно, не считать великого драматурга XVI-XVII веков Вильяма Шекспира. Его «Гамлет» – типичный детективный триллер. Пристли, братья Тур, Лев Шейнин и другие авторы «детективных» пьес придут на сцену лет через сорок-пятьдесят после Чехова. Это будут настоящие классические детективы, с инспекторами и преступниками, с наказанным злом и торжествующей справедливостью. А вот герои известного и многими любимого английского писателя-«детективщика» сэра Артура Конан Дойля никогда не выйдут к зрителю в образе сценических персонажей. Не будут востребованы театрами и другие авторы остросюжетных произведений.

Но вернемся к Чехову и его пьесе с роковым выстрелом, который на языке криминалистов квалифицируется как «преднамеренное убийство».

У большинства авторов детективного жанра пьесы чаще всего начинаются с совершения преступления (не далее первого действия). Как правило, это убийство, за которым на протяжении оставшихся полутора-двух актов следуют «разборки» содеянного. Драматургов в первую очередь интересует мотив преступления и, конечно же, сам процесс расследования преступления. Вспомним хотя бы пьесы известного английского писателя первой половины XX века Дж. Пристли. У него сначала происходит «нечто ужасное», после чего он рассматривает среду, в которой это «нечто» произошло. И эта среда начинает мучительно искать внутри себя виновного. И находит, естественно, с помощью вечно усталого инспектора полиции с умными проницательными глазами.

А наш Чехов пошел другим путем. У него все повернуто на 180 градусов. Он сначала изображает эту самую пресловутую среду или, как ее именуют в литературоведении, общество. (Сегодня модно говорить «социум»). А потом (в «Белоснежном ангеле» в последнем акте) в этом самом социуме неожиданно происходит локальный «взрыв» и наступает чья-то смерть, как правило, главного героя пьесы. Для Чехова что убийство, что самоубийство – результат конфликта героя со средой, обществом. Иными словами, Чехов идет от «среды» к «выстрелу». А не от «выстрела» к «среде», как другие авторы.

И еще одно отличие – пожалуй, самое главное. У большинства авторов в центре внимания находится персонаж – носитель зла, проще говоря, преступник. А Чехова больше интересует жертва. Он рассматривает «жизнь» своего героя, его взаимоотношения со средой, до наступления «конфликта». В этом плане А.П. Чехов предвосхитил появление детективов, в которых для установления истины «прокручивается» вся жизнь жертвы до наступления криминала. А что произойдет потом, уже не играет особой роли.

Но что интересно, вы нигде не встретите у Чехова и намека на оценку поступков героев, избравших пистолет как способ разрешения житейских проблем. У Чехова выстрел – это кульминация происходящего, а в «Белоснежном ангеле» и «Иванове» – coda, концовка пьес.

Кстати будет заметить, что А.П. Чехов не всегда определял жанр своих пьес. Если «Иванов» и «Три сестры» – это однозначно драмы, а «Леший» и «Вишневый сад» – комедии, то в «Пьесе без названия» и «Дяде Ване» жанр автором не установлен. Это в некоторой степени развязывает руки режиссерам-постановщикам, которые могут ставить эти пьесы в так называемом «смешанном» стиле с использованием элементов комедии и драмы. Что мы и видим в «Белоснежном ангеле».

Автор настоящей статьи не ставил своей целью воспроизвести здесь всесторонний и полный анализ чеховских пьес. Он лишь обратил внимание на некоторые их особенности. Напоследок отметим еще одну характерную черту Чехова-драматурга. В своих пьесах Чехов никогда не дает прямого ответа на вопрос «Отчего в «приличном обществе» гремят выстрелы?». Зритель сам должен разобраться в этом, и почему уходят из жизни не самые плохие люди. И, конечно же, кто виноват?

В этом весь Чехов.